КСЕНИЯ ПЛОТНИКОВА

НА КРАЮ ОБРЫВА

Ксения Плотникова

На краю обрыва

«Автор»
2026

Плотникова К. П.

На краю обрыва / К. П. Плотникова — «Автор», 2026

Маленький городок, хор, бумажные фонарики. А потом — тишина. Френсис собирает то, что осталось, по кусочкам: серёжка, белая сорочка, перерезанный мост. Никто не видит того, что видит она.

© Плотникова К. П., 2026
© Автор, 2026

Ксения Плотникова
На краю обрыва

Глава 1

У нас в хоре пять голосов. Я, Медисон, Рита, Сем и Мартин, который поёт всегда чуть тише остальных, будто боится, что его услышат.

Мы готовились к «Дню долины». Наш городок основали у Чёрного ручья, и каждый год мы делали лодочки из бумаги и пускали их по воде. Лодочки доходили до первого поворота и тонули. Взрослые говорили, что это не важно. Детям говорили то же самое.

— А теперь — река, — мисс Доц разложила на партах картонные лодки. — Та самая, что несёт воду к морю. Френсис, ты — у истока. Медисон — там, где река встречается с морем.

Мне достался исток. Медисон — устье. Так бывало всегда. Не потому, что её любили больше. Потому что ей всё шло.

Медисон не старалась быть хорошей — она просто была. Учительницы ей улыбались. Мальчишки уступали ей место, не замечая, что уступили. Даже Рита, которая ревновала ко всему на свете — к оценкам, к волосам, к чужим ботинкам, — Риту Медисон не раздражала. Это было похоже на фокус, который никто не мог повторить.

Она пела первую партию. Не громче всех — так, что было слышно, где начинается песня. Когда она замолкала на вдохе, песня как будто замирала и ждала. Я иногда думала: вот бы так — чтобы песня ждала.

Я не завидовала. Так, во всяком случае, я себе говорила. Завидуют тем, кто забирает твоё. А Медисон ничего у меня не забирала. Она, наоборот, делила: карандаш, когда мой ломался; пол-яблока, когда я забывала поесть; ноты, когда мне доставалась вторая партия. Она делила так, будто в этом было ничего такого. Для неё это было ничего.

— Медисон, — сказала Рита, — ты опять первая партия.

— Хочешь, поменяемся? — Медисон подвинула ноты. — Мне устье уже надоело. Всё время одна и та же вода…

Она говорила «одна и та же вода» так, будто вода была человеком. Она вообще разговаривала с вещами так, как разговаривают с людьми: с курицами у школы, с лодочками, с моим сломанным зонтом. Я считала это по-детски. Мне было тринадцать, и я гордилась тем, что я веду себя не по-детски.

— А та женщина, — вдруг сказала Рита глядя в окно. — Та, что приезжает за Френсис. Она опять была в той рубашке. Клетчатой.

— Рита, — сказала Медисон тихо, прочти прошипев.

— Что? — Удивилась она. — я ничего плохого не говорю. Она выглядит очень… — Рита поискала слово. — Уставшей…

— Думаю, она просто очень уставшая, — повторила мисс Доц, продолжая заниматься своими рутинными делами. — Френсис, у истока вода светлая. Возьми жёлтый.

У истока вода не светлая. У истока она такая же, как везде. Просто я живу в месте, где до света долго добираться. Я взяла баночку желтой краски и сунула ее в карман.

После уроков мы шли к выходу. Медисон достала из рюкзака половинку персика.

— Ешь. Это хотя бы выглядит съедобно, ну и как минимум полезно. — с сарказмом сказала она. — Не бутерброд с чем-то серым.

У меня был бутерброд. Хлеб, майонез, какая-то колбаса, которая была твёрдой, как резина. Я откусила. Было неприятно.

— У тебя всё в порядке? — спросила Медисон.

— Да.

— А мама тебя не ругала за то, что ты опоздала?

Я замерла. Она не ругала. Пока.

— Нет.

Медисон откусила свой персик. Сок был тёплый и сладкий.

— Твоя мама иногда говорит про папу? Про то, как он ушёл? И потом смотрит в окно. Долго. Помнишь, ты рассказывала? Это не похоже на «просто уставшую». Он ведь ушел пять лет назад…

Я сжала бутерброд.

— Она просто уставшая. Она всегда такая. — протараторила я.

— Может. — сказала Медисон, пожав плечами. — Но ты же видишь, как она смотрит. И это не про «строгость». Это про что-то другое. Мы говорили с мамой на эту тему. Прости, что обсуждали... — было видно, что ей стало неловко. — Местные многое обсуждают. А ты же знаешь, у мамы книжный клуб, они любители поболтать. — Вдруг Медисон замерла — Мне жаль...

Она не сказала «всё будет хорошо». Она просто сказала «мне жаль». И это было тяжелее любых утешений.

— Хочешь, — сказала Медисон. — Я приду в субботу. Без предупреждения. Мы наведём порядок. Уберём эти банки со шкафа, сложим одеяла по-другому, сделаем чай, может я принесу журналы, мы вместе почитаем? Или фильм посмотрим?

Я не знала, что ответить. Никто никогда не предлагал навести порядок «для меня». Обычно предлагали убрать за мной.

— Хорошо, правда у меня нет телевизора…. И приставки нет… В нашей местности тяжело со связью — сказала я. Очень тихо.

— Тогда договорились. Я обязательно приду. Попрошу маму, может она испечет свои фирменные тыквенные кексы с кремом чиз. Я их обожаю!

Медисон так увлеклась своим планом спасения меня из серости будней, что не заметила, как мы вышли из здания школы.

— О! Привет, мам! — сказала Медисон, направляясь к Миссис Уорд. — Мы сегодня до семи, да?

Моя мать, стоявшая чуть поодаль, посмотрела на неё. Недолго. Секунды две. Но я это заметила — так смотрят не на человека, а на витрину. На вещь, которую хотят. Хотя, мама часто восхищалась красивыми лицами. Видимо, в е представлении, мое лицо в эту категорию не попадало. По ее мнению, я всецело взяла все от своего отца и это ее не устраивало. Казалось, что на даже больше упрекала меня за это при удобном случае. Но, красивые вещи Джина любила. Очень странное сочетание ее неряшливости в доме и внутренней эстетикой и стремлением к красоте.

— До семи, — ответила миссис Уорд, вернув меня в реальность.

Мама Медисон вышла на крыльцо — с накрахмаленными рукавами и голосом, которым разговаривают с соседями через забор. Они перекинулись парой фраз про праздник с Джиной. Мать отвечала ровно, почти вежливо. Я стояла и ждала, когда это закончится, как ждут, пока перестанет болеть зуб.

— Тебе можно остаться на репетицию, — вдруг сказала Медисон. — Мисс Доц разрешит. Мы с Ритой всё равно задержимся, столько еще нужно сделать. Да и руки лишними не будут.

— Меня ждут. — сказала я, выдохнув.

— Ну так скажи, что не можешь. Ты вообще когда-нибудь что-нибудь ей говорила?

Она не наезжала. Она спрашивала так, будто ответ у меня уже был, просто я его не доставала. У Медисон это получалось: она задавала вопрос — и тебе казалось, что ты умнее, чем ты есть.

— В другой раз. — сказала я.

— В другой раз, — легко согласилась она. — У нас полно других разов.

Потом мы с Джиной сели в пикап. Он заводился со второго раза — всегда со второго, как будто машина задумывалась. Мы проехали до сторожки, оставили машину и пошли пешком: километр по тропе до верёвочного моста. Мост скрипел. Внизу было ущелье, и в ущелье жила вода, которую не было видно, только слышно.

Мать сказала, что в семь мы должны быть дома.

Я не опоздала.